

and so θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Шпак Т.А.

Мечи стихий

Татьяна Александровна Шпак

Мечи Стихий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30790366

SelfPub; 2018

Аннотация

Тёмная Фэнтези история о сложной и жестокой судьбе маленькой девочки.

Содержание

Автор Шпак Татьяна Александровна	4
Мечи стихий.	4
Часть 1	4
Часть 2	10
Часть 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Автор Шпак Татьяна Александровна

Мечи стихий.

Часть 1

Бин Гоин шел по сумрачному коридору грязного подземелья, уверенно шагая за подпившим тюремщиком. Его внешность никак не вязалась с окружающей действительностью. Дорогой шелковый кафтан, аккуратнo зачесанные назад волосы, гордая осанка. Что он забыл в самой зловонной клоаке дворцового лабиринта, где обитают лишь страдания и смерть?

Проводник припадал на левую ногу, видимо от застарелой травмы, и пошатывался от уже принятого крепкого хмельного напитка, но тем не менее уверенно находил нужный поворот. Тяжелая связка громоздких старых ключей, привязанная к поясу, мерно позвякивала, отдавая от стен гулким эхом. Этот звук бил по и без того натянутым нервам. Еще одна пошарпанная лестница, очередной перекресток, и впереди обнаружился длинный зал с рядом тяжелых дверей по

обеим сторонам.

– Достопоштенный господин Гоин, не гоже щеловеку с вашим положением посещать прештупников. Ешли об этом долошат Императору, и ваша голова мошет слететь. – прошепелявил охранник, сидевший за пошарпанным столом в центре зала, явно набивая себе цену.

Бин молча вынул из-за пазухи маленький кожаный мешочек, который содержал заранее обговоренную сумму.

Беззубый примерил на ладони вес содержимого, достал одну монету и прикусил, проверяя подлинность. Видимо, оставшись довольным полученной за неудобства компенсацией, он молча удалился, оставив господина и тюремщика наедине. Хромой кивнул головой, призывая последовать за ним дальше, и пошаркал к дальней двери.

Неприятно щелкнул замок.

– Теперь я вас не на долго покину. Времени мало, так что говорите по существу. И без глупостей, за попытку освободить предателя Короны даже вас быстро пустят в расход. – тихо просипел тюремщик, оставляя Гоина у двери.

Предприятие было действительно опасным, хотя и не несло в себе явных следов преступления. Бин просто пришел попрощаться со старым другом, внезапный арест которого, да еще по обвинению в государственной измене, не позволял видеться уже как с месяц. Все это время Гоин пытался повлиять на ситуацию, но даже будучи особо приближенным к императору, так и не сумел доказать невиновность Ро-

на. И вот теперь, когда уже была назначена дата казни, наконец подвернулась лазейка для личной встречи. Только какой был в ней смысл? Только, чтобы оказать последнюю милость. Еще раз проверив, на месте ли мензурка с ядом, Гоин потянул за железное кольцо. Руки дрожали. Дверь послушно поддалась.

«Петли не скрипят. Значит камера часто используется.» – неприятно кольнуло где-то в груди.

Из камеры неприятно пахло тошнотворным кисло-сладким запахом мочи и экскрементов вперемежку с чем-то еще, напоминающим о испорченном ужине. Пересилив первый рвотный призыв, Бин сделал шаг в темноту камеры, и тут же обо что-то споткнулся. Взгляд опустился вниз. И тут даже его крепкие нервы не выдержали. На полу лежало уже начавшее гнить тело молодой женщины, в котором он с трудом узнал Лизи, жену Рона. Тело было прикрыто лохмотьями, через которые без труда можно было увидеть многочисленные следы пыток и побоев.

Голова закружилась, Гоин сделал шаг назад, опираясь рукой о стену и стараясь перевести дыхание. В этот момент в дальнем углу что-то зашуршало.

– Бин... Бин – это ты? – тихо надтреснутым голосом просипела тень в дальнем углу камеры. С трудом сфокусировав взгляд, Гоин неуверенно двинулся в направлении звука.

– Да Рон, это я. Я пришел, не мог не прийти. Прости, что уже слишком поздно. Но я ничего не смог сделать. – голос

Гоина предательски дрожал, а собственные слова показались фальшивыми. Сожаление жгло сердце, впиваясь в него каленным железом. Горло сдавило от отчаяния и бессилия, когда глаза привыкли к полутьме, и он смог разглядеть друга. Рон лежал в неестественной позе на грязной гнилой соломе, что служила здесь постелью, раскинув в стороны руки. Тело его больше напоминало обтянутый кожей скелет, и было сплошь покрыто синяками и кровоподтеками. Глубокие неживающие раны зияли язвами и пузырились, источая гной. В спутанных полосах копошились вши, явно довольные своим пиршеством. Одним словом – живой труп. И только глаза оставались живыми. В них горела надежда на грани с отчаянием. Сухие потрескавшиеся губы шевелились, пытаясь выдать слова из пересохшего горла.

Гоин достал бутылку с водой, присел у тела и начал поить Рона, аккуратно придерживая его голову. Но тот не смог сделать и пары глотков из-за приступа кашля.

– Нет, не нужно. Уже поздно, я обречен. – произнес заключенный, когда снова смог нормально дышать. Тощая рука, больше напоминавшая клешню, обхватила запястье Бина. – Умоляю, спаси мою дочь! Пожалуйста... – сорвался на рыдания Рон.

Теперь все стало на свои места. Сфабрикованное дело об измене дало повод для ареста Рона Эдвардса, что много лет служил в совете верой и правдой, и последние два года занимал должность младшего министра. В прошлом боевой маг,

он отличился в последних сражениях с соседней Империей. Его советы принесли блестящую победу, и это очень не понравилось старшему советнику Императора. Тот почувствовал явную угрозу своему положению, и уже не раз в прошлом стирал со своего пути более достойных этого места мужей.

Отсутствие доказательств при таком серьезном обвинении – не повод отменять арест. А когда даже под пытками Рон не сознался в предательстве, в ход пошло самое страшное оружие. Сначала в расход пошла его любимая супруга. Но, видимо, и тогда, сердце солдата, закаленное в боях, не поддалось. Но когда палачи протянули руки к его кровному ребенку... Тут арестованный был готов подписаться под любыми обвинениями.

– Обещай, что спасешь ее! – из глаз друга текли слезы. – Поклянись!

Бин опустил глаза. Он не знал, где сейчас искать ребенка, и что он может сделать. Обычно детей предателей пускали с молотка на рынке рабов. Но дочь самого Эдвардса слишком лакомый кусочек, чтобы продавать ее на рынке. Пусть ей еще совсем мало лет, но в их империи осталось не так много магов по крови. А значит каждый богатый дом будет готов раскошелиться за такую рабыню.

Мысли хаотично скакали в голове. «Где же? Где искать? Может быть на закрытом аукционе? Нет, слухи бы уже просочились. В королевской темнице? Тоже нет то.»

За дверью послышались тихие шаги, а значит время сви-

дания стремительно стремилось к нулю.

– Ван Дорн, это все Ван Дорн подстроил. – прохрипел Рон, цепляясь дрожащими пальцами за одежду друга. – Он так и не простил меня за Лизи, за то, что она выбрала меня, а не его. И теперь хочет сделать мою дочь игрушкой для своих грязных потех. Не допусти этого, прошу. Спаси ее, спаси мое дитя!

Теперь Бину стало ясно, где искать девочку. Он взял друга за тонкое запястье, аккуратно вложил в его ладонь заветный пузырек, и глядя прямо в глаза произнес.

– Клянусь честью, что не допущу этого позора. Я непременно найду ее. Она никогда не достанется Ван Дорну!

Бин Гоин порывисто встал и стремительно зашагал в сторону выхода. Нужно было действовать быстро, не теряя ни минуты. В дверях он чуть не столкнулся с хромым тюремщиком.

– Закрывай и пойдем со мной. Есть еще один разговор. Награда будет очень щедрой. – бросил Бин через плечо, выходя из камеры. Тот в ответ криво улыбнулся. Алчные чертики заплескались в его глазах.

– Как прикажете, господин Гоин. Как прикажете...

***

В богато обставленных покоях в компании своих припешников веселился старший советник Ван Дорн.

– Мечь – слаще меда в моем бокале. Уже завтра я буду наслаждаться зрелищем медленной смерти ненавистного Эд-

вардса. Придворный палач весьма искусен, и способен продлить агонию до нескольких часов. А потом я буду всю ночь наслаждаться, развлекаясь с его маленькой девочкой. Ха ха ха. Зря Лизи, очень зря ты выбрала его, а не меня.

Часть 2

В лаборатории царили тишина и стерильная чистота. Императорский лекарь Бон Садковски, а по совместительству еще и придворный алхимик, был весьма щепетилен и требователен в этом вопросе. Алхимия, как и медицина, науки точные до мелочей, а потому он не скупился на хорошую прислугу, и потратил не мало личного времени, чтобы всех их вышколить. Зато теперь, не смотря на изобилие трубочек, скляночек, коробочек с порошками и сосудов с жидкостями, и прочего множества предметов и инструментов загадочного предназначения, огромный зал сиял первозданным блеском. Хотя на первый взгляд это помещение и напоминало свалку, здесь у каждого предмета было свое строго отведенное место. И горе тому службе, кто посмеет нарушить это хрупкое равновесие, поменяв, например, что-то местами.

В камере стерилизации мерно кипела какая-то белесая жидкость, пуская крупные пузыри и плюясь. Брызги растекались по прозрачным стенкам сосуда, создавая причудливые узоры. Резкий запах медикаментов неприятно резал нос. Но для Садковски, производившего странные манипуляции за

соседнем столом, это было лучшим ароматом в мире. Аромат новой формулы, открытий, наблюдений, успеха, самой жизни. Он постоянно бубнил себе под нос, комментируя все производимые манипуляции. В углу комнаты сидел затравленного вида подросток, и старательно записывал все, что говорил хозяин. Престарелый алхимик в порыве творческих идей порой выводил гениальные формулы лекарств, но память стала подводить, и воспроизвести повторно все ингредиенты и их процентное содержание удавалось не всегда. Потому ученый взял себе в привычку комментировать все свои действия, а слуга, непременно присутствующий на таких экспериментах, должен записывать буквально все.

– Один цин порошка белой хены поместить в стеклянную посуду. Добавляем пять цин озимата, и треть цин цурики... Да нет же, не бурики, а цурики! Глупая женщина. – прикрикнул он на шуструю служанку, что подавала необходимые ингредиенты, да и вообще уже как 15 лет во всем ассистировала лекарю. «И кому перейдут мои знания? Учеников нет, не приживаются, детей своих тоже нет. Неужели вот этой глупой неуклюжей рабыне?» – мимоходом промелькнули не веселые мысли.

– Ну вот, теперь то, что нужно. Угу. Теперь все тщательно перемешиваем стеклянной палочкой. Ты знаешь, почему посуда должна быть непременно из стекла? – обратился он к рабыне. Та потупила взгляд. – Да чтобы реакции не было, тупое ты существо! Вот потому я и не женился, что терпеть

не могу глупых девчонок и все эти ваши розовые сопли. — отчитывал он взрослую женщину словно нашкодившего котенка. И не забыл при этом бросить через плечо: «Это можно не записывать».

Еще несколько долгих минут старик отчитывал ассистентку, а может и самого себя, сетуя на все мироустройство. Но при этом не забывал равномерно помешивать содержимое маленького пузырька. Но вот наконец результат удовлетворил лекаря.

— Далее мы смешиваем получившиеся ингредиенты.

С этими словами он поднес мензурку к камере стерилизации и начал медленно вливать содержимое, внимательно наблюдая за химической реакцией. Той, казалось, не было вовсе. Белесая жидкость продолжала лениво побулькивать. Цвет и консистенция тоже не изменились. Вертикальные морщинки прорезали лоб алхимика, он был в задумчивости.

— Нужно еще два цин озимата, тогда лекарство станет более жидким, и его можно будет вводить напрямую в кровь. А в таком виде его только съесть можно. Ты слышишь меня? О бездарность, ну почему я все должен повторять дважды?!

Ассистентка подскочила как ужаленная, и побежала за обозначенным ингредиентом. Уже минуту спустя лекарство было завершено.

Удовлетворенный результатом, с полной бутылочкой белой, напоминающей молоко, жидкостью, Бон двинулся в со-

седнее помещение. Это была небольшая комната, больше напоминающая больничную палату. Здесь не было такого количества емкостей, но был шкаф, а на маленьком столике были разложены различные хирургические инструменты. На жесткой медицинской кушетке лежало тощее тельце девочки лет семи. Только движения грудной клетки, что мерно то поднималась, то опускалась, говорили о том, что жизнь все еще теплится в этом ребенке, и это не кома, а очень глубокий сон.

ЕЕ принесли позавчера вечером императорские слуги едва живую. Девочка была в плачевном состоянии, даже более – на грани. Исхудавшая и избитая, перебитые кости, множественные кровоподтеки, резаные раны и ожоги. Несколько пальцев отсутствовали вовсе, а вместо левого глаза зиял черный провал. Лекарь Бин был просто в ужасе, а его верная ассистентка, вскрикнув, упала в обморок.

Он многое повидал за время правления последнего императора, получившего прозвище «Душегуб». Это потому что взошел на престол по трупам своих отца и братьев, и с самого начала правления пролил целые реки крови. Да и прочая знать под его руководством совсем распоясалась, не уставая калечить и уничтожать друг друга, доходя в своих изощрениях до абсурда. Вот теперь и до детей добрались. И куда катится этот мир?

Приказ был отдан противоречивый. В кратчайшие сроки восстановить тело девочки, чтобы и шрамов не осталось, но

во что бы то ни стало сохранить ей память. «Но это не возможно!» – кричал он на служителей. «Если память об истязаниях сохранить, этот ребенок потеряет рассудок! Да и сердце может не выдержать!». Но приказ – есть приказ. Судя по всему, кто-то высокопоставленный желал слепить из этой маленькой рабыни беспрекословную куклу. Не завидная участь, что хуже смерти.

Как лекарь, Садковски жалел замученное дитя, и очень хотел в кратчайшие сроки излечить не только тело, но и душу ребенка. Но внутри ликовал алхимик, которому жутко хотелось провести новый эксперимент. Сможет ли он сохранить девочке разум не блокируя жуткие воспоминания? Как обойти эту защитную реакцию организма? Это был вызов! От нетерпения пробирал озноб.

Всю ночь и последующий день он шаманил над телом, залечивая раны и наращивая потерянные органы, стирая и шлифуя рубцы. В ход шли все его, накопленные за долгие годы, умения, от простой традиционной медицины до элементов черной магии. Но уже сутки спустя результат был виден невооруженным взглядом. Осунувшееся бледное миловидное личико юной подопечной все еще носило следы от недавних побоев. Но пройдет совсем немного времени, когда и эти последние следы печальных событий совсем исчезнут, а на щеках заиграет здоровый румянец.

Наступила пора для второй стадии. Работа с сознанием. Старик удалился в лабораторию для создания новой сыво-

ротки, что мысленно уже окрестил «Антиблок». Сомнения все еще скребли где-то внутри: «Уж не убьет ли это девочку. В таком случае и мне не поздоровится. Значит, нужно сделать все, чтобы она выжила и осталась в своем уме!»

И он сделал, не будь он Бон Садковски. Смешивал, грел, охлаждал, пропускал через разные фильтры... и вот сейчас он внес в палату целый сосуд сыворотки «Антиблок», что должна была активировать работу мозговой деятельности. Рабыня помощница быстро установила капельницу, и драгоценная жидкость тонкой струйкой начала проникать в кровь.

– По моим расчётам пациент проспит еще 12 часов как минимум. Через 3 часа снимешь капельницу. Меня по пустякам не беспокоить, я очень устал.

С этими словами лекарь удалился в сторону покоев.

Мутная белая жидкость мерно капала в подвешенной склянке, сквозь тонкую иглу просачиваясь в кровь, разнося по телу живительные соки. Под тонизирующем воздействием «Антиблока» нейроны мозга резко активизировались. Пространство заискрило, и разорванные в клочья фрагменты воспоминаний медленно, словно вальсируя, начали вставать на положенные места, складываясь в стройный ряд видеороликов.

«Мать. Она очень красивая и нежная. Заливисто смеется над нелепыми рожицами, что корчит дочь, и тут же передразнивает, от чего начинают смеяться все вокруг. Это было

ДО.

А вот мать уже не красивая. Лицо изуродовано, холодная, она лежит в луже собственной крови, а в ее животе копошатся белые отвратительные черви. Это ПОСЛЕ.

А вот отец. Он добрый, привез в подарок красивое шелковое платье. Она кружится в обновке, а он смотрит влюбленно-восторженно и хлопает в ладоши. Это ДО.

А вот папа сидит привязанный к железному стулу, а человек в черной маске бьет его по ногам железным прутом. Треск ломаемых костей и вопли боли. Это было ПОСЛЕ.»

И так фрагмент за фрагментом. В памяти всплыли даже очень старые затертые эпизоды. Колыбельная перед сном, первые шаги, любимый котенок и разбитые коленки. Солнечный дом, наполненный счастливыми людьми, шутками и смехом. Все, что можно было охарактеризовать одним словом – безмятежность. Все это было ДО.

А ПОСЛЕ. После были люди в форме и с оружием наперевес, что ворвались в их мир, растоптав хрупкое равновесие. Они хватали всех без разбора, ломали вещи, били и крушили.

А потом была тьма холодной сырой камеры, где ее соседями были лишь страх и одиночество. Долго, очень долго она была там совершенно одна. Пока слезы совсем не иссякли. Пока отвратительные помои, что приносили на ужин, не стали казаться самой райской пищей. Пока стены не начали говорить с ней. Только истории их были жуткие, и она пере-

стала спать. Бродила по тесной камере от стены к стене, бесконечно пересчитывая шаги, пока не валилась от усталости в бездонный провал беспомощности.

А дальше стало еще хуже. Ее стали выводить на допросы. Там она наконец увидела своих родителей, но их состояние пугало сильнее страшилок, что рассказывали ей стены тюрьмы. А происходящее дальше расплывается в бесконечном потоке слез.

И во всех ее кошмарах безмолвной тенью присутствовал ОН. Высокий седовласый мужчина с рублеными чертами лица. Его холодные серые глаза пронзали и замораживали, одним своим присутствием он внушал благоговейный ужас, лишая воли. Это он лупил ее по щека, произнося только одно слово: «Смотри!». И она смотрела. Это ОН разделил всю ее короткую жизнь на ДО и ПОСЛЕ.

Волна жгучей ненависти поднималась откуда-то из самых потаенных глубин естества. Стереть в порошок, отправить в забвение, растоптать, разорвать на мелкие кусочки, УНИЧТОЖИТЬ

Часть 3

Девочка уже начинала приходить в себя, стонала и ворочалась, когда в комнату прокрались три тени. Мягкий укол в руку снова погрузил ее в теплые объятия небытия. Люди в темных одеждах и плотных, скрывающих лица, повязках,

действовали быстро и уверенно, словно каждый день проделывали подобное.

Один из вошедших нес в руках большой куль. Двое других были на легке, если не считать тонких коротких мечей, более напоминающих удлинённые кинжалы. Они рассредоточились по кабинету. Один встал у окна, второй – в проходе, а тот, что с грузом, расположился на полу у кушетки с пациенткой. Он развязал узел на мешке и начал раскладывать содержащиеся в нем предметы. Первым было квадратное черное покрывало со странной пентаграммой, испещренное золотыми рунами и письменами неизвестного происхождения и предназначения. Остальные баночки и коробочки находили свои места в этом узоре, располагаясь в четкой, только раскладывающему понятной, последовательности. А в самом конце человек в черном извлек из мешка крохотное тело, со стороны напоминающее новорожденного младенца. Только при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что это вовсе не ребенок, а кукла. Руки, ноги, голова – все как у всех, только абсолютно голые и безликие. Как незаконченная деревянная кукла, которой незадачливый скульптор не успел вырезать черты лица, складки и морщинки. Болванка, заготовка. Только эта заготовка была отнюдь не деревянной, а из плоти и крови. Темная запретная магия по созданию искусственной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.